

КУЛЬТ КОНЯ У ОСЕТИН: ИСТОКИ И ПАРАЛЛЕЛИ

Л.А. Чибиров*

Л.А. Чибиров

Аннотация. В статье исследуются истоки культа коня, возникшего в среде индоариев в глубокой древности. Конь в быту скифов и осетин, конь – помощник и друг всадника, крылатые кони и конь-птица, кони – ангелы и полубоги, кони волшебные и бессмертные, солнечная природа коня, имена, цвет и символика чисел – эти и другие разноаспектные позиции, рассмотренные в сравнительно-этнокультурном ракурсе, позволяют заключить: а) domestикация коня стала поворотной страницей в истории мировой цивилизации, в том числе в судьбе ираноязычных племен степей Евразии; б) высокое положение, которое занимал культ коня в среде индоевропейских народов, блестяще иллюстрируют и анализируемые в статье реликты из быта и культуры осетин, унаследованные ими от их этногенетических предшественников.

Ключевые слова: конь, лошадь, скифы, аланы, качества, крылатый, волшебный, птица, солнце.

Доместикация (одомашнивание) коня стала одним из поворотных страниц в истории цивилизации. Это и понятно, ибо его приручение «вызвало первое крупное передвижение народов, когда человек с удесятенной силой и скоростью стал подчинять себе новые огромные пространства [1, с. 201].

Наличие коня (лошади) имело исключительное значение в жизни, особенно у кочевых народов. Бесконечные дальние и опасные походы, особенно характерные для периода военной демократии, межплеменные столкновения и другие жизненно важные обстоятельства способствовали формированию культа коня. Коня идеализировали, гиперболизировали такие его качества, как ум, прозорливость, приписывали ему дар речи. В сражениях богатырей принимают участие и их верховые кони. Изображения сказочной борьбы богатырских коней имеются на бронзовых скифских бляхах из Ордоса, Забайкалья и Минусинской котловины [2, с. 15. Рис. 4].

Культом коня возник у индоариев в глубокой древности на их прародине. Об этом свидетельствуют схожие индийские и иранские религиозные и мифологические представления, связанные с конем. Сходные названия, постоянные эпитеты и сравнения, применяемые в поэтике, одинаковые церемонии и обрядовые действия, в которых коню принадлежит первое место, одинаковые функции коня и его роль в мифологии и космогонии [3, с. 97]. Исходя из сказанного, для реконструкции культа коня у осетин, проведения скифо-осетинских параллелей в этой области, ниже привлекаются известные источники: древнеиндийская Ригведа, древнеиранская Авеста, сведения античных авторов об Индии, Иране, Средней Азии и проживающих там таджиков и других иранских народов.

В быту отдаленных предков осетин лошади ценились выше, чем быки и другие домашние животные. Археологами на Северном Кавказе даже обнаружены специальные кладбища коней, что свидетельствует о почитании этого животного.

У скифов высоко котировалось хозяйственное значение лошади. Это и понятно, ибо мясо, молоко и другие молочные продукты составляли основу питания кочевника, не говоря уже о значении коня как тягловой силы. Скиф, лишившийся скота, терял свой авторитет в обществе, что образно выразил древнегреческий автор: «Не имеющий там повозки считается у них бесчестным».

У осетин культ коня восходит к тотемическим представлениям далекого прошлого. Об этом свидетельствуют мифологические построения, согласно которым родительницей первого нартовского коня была Дзерасса – мать известных героев Нартиады – Урузмага, Сатаны и Хамыца.

По представлениям древних, поедая мясо жертвенного коня (быка, барана), человек тем самым укрепляет свою магическую связь с тотемом, приобретает его свойства. Сторонники тюркоязычия скифо-алан в качестве основного довода часто ссылаются на то, что сегодня у осетин нет в традиции есть конину. Возражая им, отметим: отдаленные предки осетин употребляли конину. Упоминания об этом есть в нартовском эпосе. В одном сказании об Урузмаге некий Саулаг накормил своего гостя, зарезав лучшего коня своего [4, с. 25]. А вот выдержки из других сказаний: «Нечего было делать; взял лучшего коня и зарезал его. Коня съели» (Там же). «И вот таким образом Урузмаг приказал зарезать своего коня, сделать из кожи бурдюк, зашить его там и забросить в море» [4, с. 39].

Конь в быту скифов и алан-осетин. Скифы придавали большое значение уходу за конями. Собираясь в дальние походы, они подготавливали своих коней (тренинги, кроссинги и др.) [5, 42.18]. Периодически устраивались скачки. Это было прекрасное зрелище, где демонстрировались удасть, выносливость. Одними из самых занимательных игр нартов были конские скачки на далекие и близкие расстояния.

Видное место отводится коню в зверином сти-

* Чибиров Людвиг Алексеевич – д. и. н., проф., в. н. с. комплексного научно-исследовательского отдела ВНЦ РАН (L.chibirov@mail.ru).

ле скифов. Он представлен в нем разносторонне (в войне, походе и т. д.)

Не меньшую роль играл конь и в быту алан. По словам А. Марцеллина, аланская молодежь с детства привыкает к верховой езде, считается стыдным ходить пешком. Все аланы, в результате различных соревнований, становятся ловкими воинами [6, с. 163].

Исключительно высокое положение занимает конь в быту осетин. «Человек без коня, что птица без крыльев» – гласит народная поговорка. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас через тысячелетие традиции. Свою удаль, воинское искусство осетины проявили в войнах России, в годы войны с немецкими захватчиками. Во всем мире прославились осетинские джигиты.

Для горца-осетина лошадь была незаменимым животным. На ней он совершал длительные походы, ходил на охоту, вез зерно на мельницу, доставлял грузы. К горным тропам лошади так привыкли, что, по словам Миллера, при выборе тропинки она оказывалась умнее человека [7, с. 346].

Скачки, устраиваемые нартами, собирали огромную массу людей. При этом, судя по сказаниям, в скачках с нартами соревновались и божества. С конем нарт не боится ничего. Маленькие Тотрадз и Ацамаз прямо со своих люлек пошли в конюшню и начали разыскивать коней своих отцов, приручать их, чтобы убить своего кровного врага. Первейшая цель при дерзких нартовских набегах – угон коней. Это и понятно, ибо в различных походах, в том числе годичных, конники нарты проводят большую часть жизни; для племен, не расстающихся с кочевым бытом, никакое добро – ни быки, ни овцы – не могут цениться выше лошадей.

У алан уход за конями был поставлен на высокий уровень. Как писал Аммиан Марцеллин, «гоня перед собой упряжных животных и стада, они пасут их; наибольшую заботу прилагают к уходу за лошадьми» [6, с. 163]. Они прекрасно знали, как готовить коня к скачкам, к бою, к дальним походам.

Еще лучше обслуживание коня было поставлено у осетин. Об этом свидетельствует и поговорка: «Коня погоняй не кнутом, а зерном» (Дæ бæхы ехсæй ма скæр, фæлæ хорæй).

Конь был самым лучшим выбором и для подарка. Его дарили любимому племяннику (хæрæфырты бæх), юноше по окончании срока пребывания в доме аталыка, матери засватанной невестки (мады бæх) [8, с. 320] и т. д. Отобрать у противника при вооруженном противостоянии коня и на нем вернуться домой – высшее проявление доблести и отваги.

Конь-помощник. В мифологии и фольклоре всех индоиранцев конь – активный персонаж, особенно в битве с неприятелем. Конь Индры носит эпитет «драконоубийца» и затапывает змеенышей [3, с. 108]. Сохранились археологические артефакты из Средней Азии, где всадник поражает кабана, всадник борется со львом и др.

Конь Батраза затапывает врагов и подает до-

брые советы нарту. Конь, спутник всех нартовских героев, чтимый св. Георгием, унаследовал функции иранского бога войны. Кони нартов летали между небом и землей, через горы и овраги.

Идеализация коня и общая гиперболизация его качеств – быстрота ума, прозорливость – были характерны для скифо-аланских племен. По описанию Плиния Младшего, в одном бою погиб вождь скифов. Когда враг подошел к мертвому сопернику, чтобы забрать оружие у него, конь забил его копытами и загрыз зубами.

Нартовские кони справляются с вьюгой и холодом, своим дыханием могут растопить снежные сугробы. Вмиг они могут проскакать от места восхода солнца до места заката, покрыть месячный путь за сутки [8, с. 411]. По пути изо рта коня безымянного сына Урузмага «выбрасывалось пламя, кругом их расступался и таял снег. Так, что они ехали по черной дороге» [9, с. 67]. В жаркий день конь Цылан охлаждает всадника, а в холодный – согревает [8, с. 142]. Кони без особого труда пересекают глубокие ущелья. Перескакивают высокие горы, могут поднять своих седоков до поднебесья.

Скифские кони, пока не разогреются, кажутся медлительными. Внешне невзрачные, но зато – не знают усталости, они выносливы и побеждают более высоких, с виду привлекательных [10].

В эпосе конь со своим всадником не просто участвует в сражении – он наделен способностью мыслить, дает советы седоку, разговаривает с ним, предупреждает и спасает всадника от опасности, а в случае гибели доставляет его домой.

Конь – деятель наравне с героем, равный ему по силе и соображению. В битве с Мукара Батраз и его конь сражаются на равных. По совету самого коня всадник мажет ему морду, чтобы его внешность пугала коня противника [11, с. 20]. В свою очередь и всадник путем различных действий старается воздействовать на коня для собственного спасения. Своего коня безымянный сын Урузмага намазал клеем и заставил его повалиться на песке, повторил это еще раз – и конь Аласа стал похож на гору [12, с. 39].

Мифические кони обладают человеческими качествами, обладают даром речи, разговаривают со своим всадником, могут скакать как по земле, так и по небесам, в подводном мире. Конь Созырыко – умница. Конь Урузмага говорит на человеческом языке. В одном сказании сын Хамыца радуется: «О богом созданное прекрасное животное. Рад, что я могу с тобой разговаривать. Конь может указать дорогу, даст умные советы. Не щадит себя, неся всадника по горам, небесам. Во время битвы учит всадника, как отобрать у противника оружие» [11, с. 14–15]. Нартовские кони – настоящие путешественники по трем мирам. На небесах на конях ездят Уастырджи и другие божества. Все подвиги нартов совершаются героями при самом активном участии их коней.

На них же совершаются интересные путеше-

ствия по загробному миру. Кони из табуна Уастырджи все подкованы Курдалагоном. При этом подковы у коня из золота, а седло и сбруя осыпаны драгоценностями [8, с. 333]. Мифический конь размышляет как человек, мужественный мужчина.

Имена. Круг источников свидетельствует о почитании коня и о сходстве представлений, связанных с конем, во всем иранском мире, в особенности в скифской и сакской среде.

Имена, образованные от иранского названия лошади *aspa*, получили широкое распространение на всей территории расселения иранских народов, особенно скифов и сарматов. Доказательством наличия культа коня в скифо-сакской среде служит и наличие ряда личных имен царей и предводителей, составленных с компонентом *аспа* – конь: Аспадон – стальноконный, Баивараспа – многоконный, Ватанаспа – имеющий мощных лошадей [13, с. 157–158].

Имя знаменитого нартовского коня Урузмага Арфан – это имя человека, живущего на небе. Арфан – божество священного коня (Арфаны фæд – Млечный путь). Название чудесной породы коня – Афсург восходит к иранскому *asr* – мощный, общеиранское и общеевропейское слово. К *aspa* /лошадь восходит и осетинское слово *йæфс* /афса – кобыла. С ним связано и *йæхс* – плеть [14, с. 563–564].

В мифологии и эпосе конь равен человеку: умеет говорить, советовать, мыслить – и имя должно соответствовать ему.

В эпосе встречаются такие конские имена: Чесана, Хьулон, Арфан, Дур-Дур, Дзындз-Аласа, Цылан, Ефс, Дурдулла [11, с. 21].

Крылатый конь. Конь-птица. Встречающиеся в эпосе крылатые кони – отражение представлений многих народов индоевропейского круга. Крылатый конь Агни служит посредником между небом и землей. В греческих мифах бог Солнца Гелиос сидит на золотой колеснице и по небу гоняет своих крылатых коней [11, с. 12]. На чертомлыцкой вазе под одной из пальметок помещена голова коня с распростертыми крыльями. Этот образ был также одинаково близок мифологии греков и скифов. Крылатые кони были и в мифологии ираноязычных народов. У таджиков до сих пор имеется поверье, что лошади по ночам распускают крылья [15, с. 148].

Крылатые кони ярко представлены в нартовском эпосе осетин. Они – спутники и помощники эпических героев, летают, как птицы. Таков конь отца Батраза Хамыца породы Дур-Дур – «белый, как лебедь», «летающий по воздуху, как коршун», обгоняя ветер [16, с. 3–6; 17, с. 197]. Крылатые кони мчат своих всадников ниже облаков, а сила их равна буре. Они летят по небесам [17, с. 227]. А вот и сюжет из Нартиады, связанный с перевоплощением в крылатого коня: «Полезай ко мне на чердак, там ты увидишь сухую конскую шкуру – снеси ее вниз и три раза встряхни и попроси бога в молитве превратить эту шкуру в то, что она была. Если Всевышний благоволит еще к тебе, то он превратит

эту шкуру в коня, семь раз лучшего, чем когда он был жив». А это был один из крылатых коней Уастырджи. Помолвившись Богу, выполнил точь-в-точь сказанное вещуньей, «и мигом шкура обратилась в крылатого коня, оседланного и взнузданного» [8, с. 340].

Во всех индийских и иранских традициях распространено уподобление коня птице, уподобление, характерное и для других индоиранских народов [3, с. 100]. «В сложенных индийцами гимнах Ригведы бог Солнца Сурья воплощается в коня, птицу и орла; бог неба и грома, покровитель воинов Индра – в коня, быка, барана, козла; а в Авесте иранцев, в гимне, посвященном богу грома и победы Веретрагне – иранской параллели индийского Индры Вртрагана, – описаны те же перевоплощения бога в белого коня, быка, барана, козла, а также в хищную птицу, кабана, двугорбого верблюда и ветер» [18, с. 40]. В Ригведе путь колесницы солнца сравнивается с полетом птицы. В индийских и иранских источниках кони часто носят имена птиц. Как отмечает Кузьмина: «В конце II – нач. I тыс. до н. э. крылатый конь появляется и в изобразительном искусстве Малой Азии и Греции, поскольку птица-конь и соответствующий крылатый конь являются персонажами не только индоиранской, но и индоевропейской мифологии» [3, с. 101].

Сравнение птицы и коня характерно и для других индоиранских народов. Общие индоевропейские представления о птице-коне были характерны и для скифской мифологии и фольклора. Популярный у скифов образ – крылатый конь и семантически тождественный ему Пегас в греческой трактовке – на чертомлыцкой вазе, крылатые кони на золотых пластинках из курганов Большая Близница и Куль-Оба – все они передают характерное для всех индоиранцев уподобление коня птице.

Синкретический образ скифского искусства представлен на архаических топорищах-скипетрах и на бляхах парадного убора [19, с. 208–211. Рис. 3, 8–11]. В искусстве евразийских степей скифской эпохи, наряду с солярными символами в виде коня и колесницы, встречается также изображение солнца в виде колесницы, запряженной орлами [3, с. 101].

И в сакском искусстве, и у сарматов известен орлиноголовый конь. Крылатый небесный конь – популярный персонаж Ферганы и Бактрии, доживший в таджикских сказках до наших дней [18, с. 40].

В нартовских сказаниях фигурирует богатырь Батрадз, имя которого некоторыми исследователями возводится к иранскому Веретрагна; последний, подобно своим древнейшим индоиранским собратьям, сохранил сверхъестественную способность – воплощаться в коня и ветер [18, с. 39].

В представлениях древних осетин Уацилла (подобно христианскому св. Илье) сидит на огненной вознице, возимой огненными крылатыми конями. Видимо, уподобление коня птице в мифологии и фольклорных текстах породило в изобразительном творчестве собирательный образ крылатого коня.

Конь с рыбьим хвостом. Кони-драконы и кони-рыбы известны у ираноязычных народов. Известны они и народам других стран [20, с. 19–20]. В с. Сохта (Южная Осетия) Е.Г. Пчелиной обнаружена фигура с изображением крылатого рыбьехвостого коня [21, с. 254]. В нарттовском эпосе конь с рыбьим хвостом – порода коней, принадлежащих божееству солнечного света. На таких конях совершали свои подвиги нарттовские герои. Эпосу известны и кони-драконы. Конь нарта Сослана плавает подобно рыбе, а конь его сына Битара превращается в рыбу [22, с. 144, 168].

Кони-ангелы и полубоги. Конь – небесное явление, в мифах это божеество, равное ангелам. У коней Ареса родители – северный ветер Борей и женщина-богиня Эримия [11, с. 11]. В мифах много разновидностей божеества в виде животных – Посейдон (бог реки) представлен в виде коня. Архаический брак у него в образе лошади с Деметрой [Лосев, 2002 С. 20].

Скифы представляли своих богов и героев в образе конкретных или фантастических животных (получеловек-полуконь), наделяя своих персонажей способностью к сверхъестественному перевоплощению. К V в. до н. э. скифское искусство верховой езды получило широкое признание, потому полуконь-получеловек был наделен скифскими чертами [23, с. 201–202].

Бессмертные кони. В греческих мифах патрон страны мертвых Аид имеет бессмертных коней. Они запрыжены в золотую колесницу, и их трудно остановить. У владыки мертвых Барастыра в эпосе тоже бессмертные кони. Он отдает своего коня, когда кому-то требуется подняться в наземный мир. В отдельных сказаниях конь – продукт подземных сил. Кони, выращенные чертями, обладают сказочными свойствами; с ними хозяин чувствует себя уверенно. Воспитанник подземных сил, конь отца Тотрадза, способен перемещаться под землей. Конь Созырыко Дзындз-Аласа – подарок царя чертей Елызбара.

Перевоплощение коня. Мотивов перевоплощений достаточно много, начиная с индоиранских времен. Само появление родоначальника коней нартов Арфана – чудесное (от брака Уастырджы и Дзерассы). Герой эпоса ударом волшебной плети превращается в кобылу, от которой рождаются жеребцы. Батраз перевоплощается в коня и ветер, а Бог – в белого коня и т. д.

У сако-скифов, как и у других индоевропейцев, олень, как и птица, был семантическим эквивалентом коня, что и породило идею переодевания коня в оленя и идею создания синкретических фантастических существ, наделенных чертами коня, оленя, птицы [3, с. 105]. У скифов существовали наверхия в виде оленей, помещавшиеся, очевидно, на колесницах, и налробники с изображением оленей, прикреплявшиеся к уздечному набору лошадей, что тождественно ритуалу обряжения коня и оленя [24, табл. XI, 1, 1].

Волшебные кони. В скифских захоронениях (Пазырыкский курган) обнаружены трехногие кони. Такие же трехногие кони обнаружены в Придонье [25]. Культовая характеристика скифских курганов позволяет предполагать, что конь был не только погребальным, но и психотропным животным, переносившим шаманов в иной мир [20, с. 56]. Нарты – большие виртуозы в обращении с конем. Волшебные кони нартов, несомненно, владеют даром проникновения в верхние и нижние миры. Конь Муштак унес сына Бая Батыра три раза на небо, три раза под землю. Кони способны, прыгнув, проскочить между горами. У многих народов существовала связь трехногих коней с водной стихией. Нарттовскому эпосу известен и трехногий мул, которым владеют братья-великаны (уаиги). Е. Пчелиной раскопаны аланские бронзовые фигурки трехногих коней VI–VII вв. Трехногим был конь Уастырджы; это его непреременный атрибут. Трехногие – свидетельство водного (хтонического) начала этой породы коня, чье оформление закономерно для фольклора. Тогда мотив о близости дочери морского бога Дзерассы и трехногого коня прямо ассоциируется с реконструируемым Д.С. Раевским мотивом инцеста Таргитая-Геракла и его матери змеядевы, находящим объяснение с точки зрения иранской мифологии. В унисон к сказанному: в святилище Реком в 1936 г. Е.Г. Пчелиной найдена раннесредневековая медная бляжка с изображением двух жеребят со спирально-закрученными хвостами вместо задних ног [21, с. 251–255]. «Таким образом, – заключает ученый, – невзрачная маленькая фигура коня «эртæкъахыг»-а из Рекома и фигуры в виде крылатого рыбьехвостого коня из Сохта могут быть осмыслены при помощи местного фольклора; в то же время они иллюстрируют осетинский вариант одного из широко распространенных сказочных образов в фольклоре народов Кавказа» [21, с. 254].

Вышеприведенный материал убеждает в хтоничности образов трехногих коней нарттовского эпоса и подтверждает их связь с традициями скифо-сарматского мира.

Конь нарта Арахдзау восьминогий: от топота его копыт земля содрогалась. В эпосе упоминаются восьминогий конь с четырьмя ушами. Из-под его копыт взлетают комья земли выше головы. Кони Мукара настолько велики и сильны, что размельчают камни под ногами. Кроме Уастырджы, волшебного коня имел сын речного демона Гатаг, а судя по некоторым сказаниям – Сослан.

Конь и солнце. У скифов было ясное представление о солярной природе царя, отразившееся уже в образе первого скифского царя и его коня [20, с. 61].

Посетившего склеп Уастырджы народ наделил солярными чертами. Рожденный в склепе жеребенок был пестрой масти и впоследствии стал родоначальником коней и одновременно спутником главы нартов Урузмага.

У арийских народов происхождение лошади и ее действия связаны с солнцем. Уже во II тыс. до н. э. сформировался общий для всех индийцев и иранцев образ Митры – название бога Солнца.

Ведические арии уподобляли солнцу коня, который должен был отвезти покойника на верхнее небо [3, с. 111]. В Ригведе Солнце – быстроходное: у него колесница. В Авесте Митра – бог солнца, податель света и жизни, посылающий с неба воду, бог правды и договора. Поэтому в представлениях многих народов конь олицетворялся с солнцем и был посвящен ему [26, с. 7].

В Ригведе Солнце постоянно называется небесной птицей, а солнечными птицами называют орла и лебедь.

Конь ассоциируется с богом солнца Митрой. С конем ассоциируется и другое божество Ригведы – Веретрагна.

Для индоиранских народов образ коня принято считать за солярный символ; конь для них – атрибут и символ солнца. В мифологии индоиранцев обожествленные кони: Инд, Тагишья и Дадхикра.

Велика роль коня в мифологии и космогонии скифов и саков, которые унаследовали его от предков. Конь – символ солнца у саков. На светильнике из Иссыка человек перед светильником – адорация почитаемого коня или солнца. Конь считался лучшим жертвенным животным в честь богов [27].

По сведениям Страбона, массагеты богом считали лишь одно только солнце и приносили ему в жертву коней: самому быстрому богу – самое быстрое животное.

Трехлетний конь солнечного героя Сослана летит между небом и землей, покрывает путь от восхода солнца до его заката за час [11, с. 12]. **Солнечный герой погибает от Барсагова (солнечного) колеса, который Абаев называл фамильным обычаем [28, с. 19].** Колесо – символ солнца. В этой связи и сформировался фразеологизм: по земле прокатилось солнце (зæххыл атылди хур). В нартовском эпосе кони связаны с солнцем (хуры бæхтæ).

Символика цвета принадлежит особая роль в представлениях индоевропейцев. Кони, посвященные богам или царям, всегда белой (серебряной) или рыжей (золотой) масти. Белый цвет – символ верхнего неба, сакральной власти и касты жрецов.

Представление о белой и черной масти коня со значением добра и зла восходит к древнеиранской основе. В Авесте сказано: «Царь мчится на запряженной белыми конями колеснице» [3, с. 97]. В Авесте же сохранилась легенда о герое Тиштри, боровшемся за освобождение вод и восстановление плодородия. Тиштрия в облике прекрасного белого коня сражается с демоном засухи Апаоша, выступающим в облике облезлого черного коня. Тиштрия одерживает победу и поет: «Благо, воды и растения! Каналы вод да текут без помехи к посевам с крупным зерном, к травам с мелкими семенами». В честь победы покровителя дождя Тиштрии в Ира-

не, Средней Азии и Осетии до сих пор справляются восходящие к авестийской эпохе веселые праздники обливания водой [18, с. 46].

Культ священных царских коней был популярен в индоиранской и индоевропейской мифологии, особенно белой масти. Царю приносили в жертву белого коня. Истоки обычая восходят к ведическим ариям, которые приносили в жертву белого коня, и называлось это жертвоприношение «ашвамедха». Как отмечает Е. Кузьмина, «многие детали обряда прямо перекликаются с обрядом жертвенного приношения коней на царских похоронах у скифов» [3, с. 111]. Самые лучшие кони знаменитых нартов всегда белого света. Конь Урузмага Арфан белой масти и конь его брата Хамыца «белый, как лебедь». Трехногие белые кони с рыбьим хвостом из породы Афсург (Арфан) из особого табуна Уастырджи, хорошо известны в средневековых изображениях [21, с. 252]. И Уастырджи непременно разъезжает на белом коне. Покойнику тоже посвящали, как правило, белого коня.

Черный цвет – цвет дождевых туч, цвет траура. С ним ассоциируются обряды вызывания дождя. Они занимают видное место в религиозно-магических верованиях осетин. Больше всего процедуры проводили женщины после посиделок: шли босиком во дороге и при переходе через водные источники обливали друг друга водой, веселились и просили Уацилла полить их поля. Траурные кони, которых устанавливали скифы на могилах и на которых царь въезжал в загробный мир, – черной масти.

Красный цвет или золотистый – символ среднего неба, военной власти и касты воинов и царей [3, с. 107].

Бог подарил нартам пять сокровищ, одно из которых – верховой конь «пятнисто-пегой масти, который по воде шел как по суше». Согласно принятому разделению цветов на светлые и темные, пятнисто-пегая относится в темным. В основном осетины соблюдали выбор цветов, угодный боже-ству, хотя не всегда предпочитался белый цвет. На большом празднике в честь Уацилла жертвенный бык былвал темного цвета (по цвету дождевых туч). Случай не исключительный. Траурный конь Сослана, на котором тот возвращается из Страны мертвых, неотделим от траурных коней скифов [29, с. 42–43], тоже темного цвета.

Другие обычаи, связанные с конем. В архаические времена магическую силу придавали металлическому звону. Об этом свидетельствует фольклорно-этнографический материал (наешивание на коней колокольчиков и бубенчиков, кормление коней железными опилками, наличие в эпосе железомордных кобыл и др.). Эпический конь летит как орел, под облаками, плавает в море как рыба, его не останавливают ни буря, ни ветер. Подобно Солнцу за сутки обходит небо и землю от края до края, может прыгнуть, проскочить между горами.

Были в обычаях скифов древние похоронные

ристаллица – «агоны», когда выстрадавшая лошадь становилась причастной к хтоническим силам [30, с. 102].

Нарт Сослан в Стране мертвых скачет на своем коне. Черти из-под земли начали обстреливать коня Созырыко и убили его. Конь говорит хозяину: «Я убит, но тыними мою кожу и сделай из нее бурдюк и наполни его соломой. И тогда я постараюсь привезти тебя домой». Послушав совета своего коня, Сослан набивает чучело соломой и скачет дальше. Однако черти по наущению Сырдона выстрелили в брюхо чучела, и солома сгорела. Сослан пешком добрался до дома [4, с. 46].

Древние конские ристалища сопоставляются и с обрядом похоронных скачек у осетин, когда кони загонялись до смерти [20, с. 271].

У индийцев был интересный обычай. Избранного (для заклания через год) белого коня на год отпускали куда глаза глядят. А царь с войсками следовал за ним. К новому году процессия возвращалась. Коня приносили в жертву. А царь короновался как верховный владыка земли, наделенный бессмертием [18, с. 4].

Интересная параллель. Когда от удара молнии погибал общинник, труп перекладывали на арбу, в которую впрягали молодых бычков (обязательно рожденных в праздник Тутыр). Бычки без по-

крикивания, свободно перемещались и там, где они останавливались, там и хоронили погибшего. Вокруг тела покойного устраивался массовый танец-песня Цоппай. Пролить слезу категорически воспрещалось.

В мифологии индоиранцев, начиная со времен Ригведы, существовал (соблюдался) принцип парциальной магии: часть замещает целое. Представление это характерно и для творцов Авесты. При сооружении алтаря Варуни в жертву приносили коня или конскую голову, или глиняное изображение коня. Это положение подкрепляется и археологическими находками (жертвоприношение части животного: глиняное изображение коня, конской головы) [3, с. 99].

Осетины наделяли сакральными свойствами части тела коня (прикрепление головы над дверями домов, на заборах – чтобы спасти огород, посевы от влияния дурного глаза, в центре поселка, как оберег от злых сил, символ счастья). Магической силой наделялись копыта и другие части тела лошади [31, с. 155–156].

Упрощение этого обычая (вместе целого – его часть) идет от скифской эпохи к современности. При этом если скифы закалывали коней даже сотнями, то до осетин к XIX веку дошел лишь обычай обрезания уха, которое клали в гроб.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуляев В.И. Скифы. Расцвет и падение Великого царства. – М., 2005.
2. Грязнов М.М. Древние памятники героического эпоса Южной Сибири // Археология. Сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 3. – Л., 1961.
3. Кузьмина Е.Е. Конь в искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. – Киев, 1977.
4. Памятники народного творчества осетин. Т. 1. – Владикавказ, 1925.
5. Помпей Трог. С. 98. Античные источники о Северном Кавказе. – Нальчик 1990. С. 98–99.
6. Античные писатели о Северном Кавказе. Сборник документов. – Нальчик, 1990.
7. Миллер В.Ф. В горах Осетии. – Владикавказ, 1998.
8. Сказания о нартах. – Цхинвал, 1981.
9. Нарты кадджытæ. Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 2. – Москва, 1989. С. 67.
10. Аппиан. Римская война. – СПб, 1994.
11. Джыккайтæ Ш.Ф. Рагон ирон цард æмæ адæмон зонда-хаст. – Дз., 2009.
12. Нарты кадджытæ. – Дз., 1995.
13. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. – М.-Л., 1949.
14. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. – М., 1958.
15. Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». – М., 1972.
16. Шанаев Г. Из осетинских сказаний о нартах // ССКГ. Вып. 1. X. Отд. 11. – Тифлис, 1876.
17. Нартæ. – Цхинвал, 1975.
18. Кузьмина Е.Е. Занавес поднимается // Знание – сила, 1985, № 11.
19. Ильинская В.А. Культурные жезлы скифского и предскифского времени // Новое в советской археологии. – М., 1965.
20. Туаллагоев А.А. Скифо-сарматский мир и нартовский эпос. – Владикавказ, 2001.
21. Пчелина Е.Г. Æртæжъахыг – осетинский мифический конь (бронзовая фигурка VI–VII н. э. // Пчелина. Ossetica. – Владикавказ, 2013.
22. Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 2. – М., 1989.
23. Рид Г. Артур – король драконов. Варварские истоки великой легенды Британии. – М., 2007.
24. Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы. – М., 1974.
25. Яценко С.А. Антропоморфные изображения Сарматии // Аланы и Кавказ (Alapisa-II). – Владикавказ – Цхинвал, 1992.
26. Ковалевская В.Б. Конь и всадник. Пути и судьбы. – М., 1977.
27. Страбон. География в 17 книгах. Пер. Стратановского. – Л., 1964.
28. Абаев В.И. Избранные труды. Т. 1. – Владикавказ, 1990.
29. Абаев В.И. Нартовский эпос осетин. – Цхинвал, 1982.
30. Христановский В.А. Новые материалы о хтонических культах на Боспоре в первые века нашей эры // Краткое содержание докладов лавровских (среднеазиатско-кавказских) чтений. – СПб, 1990.
31. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. – М., 2008.

THE CULT OF THE HORSE AMONG THE OSSETIANS: THE ORIGINS AND PARALLELS

L.A. Chibirov

Dr. Vladikavkaz scientific center of the Russian academy of sciences, Vladikavkaz (L.chibiroff@mail.ru)

Abstract. The article considers the origins of the cult of the horse that emerged among the Indo-Aryans in ancient times. The horse in the everyday life of the Scythians and Ossetians, horse is a helper and a friend of the rider, winged horses and a horse-bird, horses-angels and demigods, magic horses and immortal ones, the sunny nature of the horse, names, the colour and symbolism of numbers – these and other issues of different aspect is considered in a comparative ethno-cultural perspective, allows to conclude: a) the domestication of the horse became a turning point in the history of world civilization, being crucial as well in the fate of Iranian-speaking tribes of the steppes of Eurasia; b) the high position which was held the cult of the horse among the Indo-European peoples, is brightly illustrated and analyzed in the article relics from the way of life and culture of the Ossetians inherited from their ethno-genetic predecessors.

Keyword: Horse. Scythians. Alans. Qualities. Winged. Magic. Bird. Sun.

LITERATURE

1. Gulyaev V.I. *The Scythians. The rise and fall of The great Kingdom.* – M. 2005.
2. Gryaznov M.M. *Ancient monuments of the heroic epic of southern Siberia // Archaeology. Collection of the state Hermitage.* – L., 1961.
3. Kuzmina E.E. *the Horse in the art of the Saks and Scythians // The Scythians and Sarmatians.* – Kiev, 1977.
4. *Monuments of folk art of Ossetians.1.* – VL., 1925.
5. *Pompey Trog.* P. 98
6. *The ancient writers of the North Caucasus. Collection of documents.* – Nalchik, 1990.
7. Miller V.F. *In the mountains of Ossetia.* – VI., 1998.
8. *Legends and sleds.* – Tskhinval, 1981.
9. *Narty kaddzhytæ. part 2.* P. 434
10. *Appian. Roman war.* – St. Petersburg, 1994.
11. *Dzhykkayty Sh. F. Ragon iron tsard æmæ adæmon zondahast.* – Dz., 2009.
12. *Narty kaddzhytæ.* – Dz., 1995.
13. *Abaev V. I. Ossetian language and folklore.* – M-L., 1949.
14. *Abaev, V. I. Historical-etymological dictionary of Ossetian language. Vol.1.* – M., 1958.
15. *Litvinsky B. A. Ancient nomads of the "roof of the world".* – M., 1972.
16. *Shanayev G. From the Ossetian legends about the sled //SSKG. Vol.1X.Otd.11.* – Tiflis, 1876.
17. *Nartæ.* – Tskhinval, 1975.
18. *Kuzmina E. E. Curtain rises // Knowledge-power, 1985, № 3.*
19. *Ilyinskaya V. a Cult rods of the Scythian and pre-Scythian time // New in Soviet archeology.* – M., 1965.
20. *Tuallagov A.A. Siphon-Sarmatian world and the Nart epic.* – VL., 2001.
21. *Pchelina E. G. Ærtækahyg-Ossetian mythical horse (bronze figure VI-VII ad // Pchelina. Ossetica.* – VL., 2013.
22. *Sledge. Ossetian heroic epic.kN.2.* – M., 1989.
23. *Reed G. Arthur is the dragon king. The barbaric origins of the great legends of Britain.* – Moscow, 2007, 2007.
24. *Artamonov.I. Cimmericians and Scythians.* – M., 1974.
25. *Yatsenko S. A. Anthropomorphic image of the Sarmatian //Alans and the Caucasus (Alanica-II).* – VL.-Tskhinvali, 1992
26. *Kovalevskaya V. B. Horse and rider. Ways and destinies.* – M., 1977.
27. *Strabo. Geography in 17 books. Per. Stratanovskiy.* – L., 1964.
28. *Abayev. V. I. Selected works.1.* – VL., 1990.
29. *Abayev. Nart epos of the Ossetians.* – Tskhinvali, 1982.
30. *Hranovskiy V. A. New materials on chthonic cults on the Bosphorus in the first centuries of our era // Abstracts of the reports (Central Asian Caucasus) readings Lavrovskiy.* – St. Petersburg, 1990
31. *Chibirov L. A. Traditional spiritual culture of Ossetians.– M., 2008*

